

18+

Бессердечные Милые Обманщицы

КНИГА,
вдохновившая ABC
на создание сериала
**PRETTY
LITTLE LIARS**

САРА ШЕПАРД

СМОТРИТЕ НА

NETFLIX

Сара Шепард
Милые обманщицы.
Бессердечные
Серия «Милые обманщицы», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23295533

*Шепард, Сара. Милые обманщицы : Бессердечные : [роман] : АСТ;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-17-100283-1

Аннотация

Четыре восхитительные красавицы делятся самыми грязными подробностями своей жизни...

Поначалу они утверждали, что нашли тело в лесу – которое испарилось, когда на место происшествия прибыла полиция. Затем, когда в том же лесу случился пожар, девушки твердили, что видели кое-кого... восставшего из мертвых. Их небылицам не верит никто: ни родители, ни полиция, ни журналисты, которые преследуют Ханну, Арию, Спенсер и Эмили на каждом шагу. В прессе им дали прозвище «Милые обманщицы», и на страницах газет и экранах телевизора с тех пор мелькает один вопрос: не «милые» ли «обманщицы»... убили Элисон?

Содержание

Что-то теряешь, что-то находишь	5
1	22
2	28
3	45
4	57
5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сара Шепард

Милые обманщицы.

Бессердечные

Посвящается

Глории Шепард и Томми Шепарду

«Если бы у меня было сердце...»

*Железный Дровосек («Удивительный Волшебник из
Страны Оз»)*

Sara Shepard

PRETTY LITTLE LIARS

Book 7: HEARTLESS

Published by arrangement with Rights People, London.

Copyright © 2010 by Alloy Entertainment and Sara
Shepard

Key Artwork © 2016 Warner Bros. Entertainment Inc.
All Rights Reserved

© И. Новоселецкая, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Что-то теряешь, что-то находишь

У тебя когда-нибудь пропадало бесследно нечто очень ценное? Как, например, винтажный шарф *Rusci*, что был на тебе на школьном балу в девятом классе. Весь вечер шарф обвивал твою шею, а когда пришло время идти домой... *она*. Исчез. Или роскошный золотой медальон, бабушкин подарок. Каким-то образом у него выросли ноги, и он просто ушел. Но так не бывает, чтобы вещи вдруг взяли и растворились в воздухе. Они *где-то* есть.

Четыре очаровательные обитательницы Роузвуда тоже потеряли нечто имевшее для них огромное значение. Гораздо более важное, чем шарф или ожерелье. Доверие родителей. Возможность учиться в университетах «Лиги плюща». Непорочность. Еще они думали, что потеряли и свою лучшую подругу детских лет... но, возможно, это не совсем так. Может, вселенная вернула ее живой и здоровой. Просто помните – природа всегда найдет способ восстановить баланс: получая нечто, приходится отдавать что-то взамен.

И в Роузвуде это могло быть что угодно. Престиж. Психическое здоровье. *Жизнь*.

Ария Монтгомери прибыла первой. Бросив велосипед на измельченный гравий подъездной аллеи, она плюхнулась на газон возле пурпурной плакучей ивы и провела рукой по шелковистой подстриженной траве. Еще вчера трава пахла летом и свободой, но после того, что случилось, ее аромат больше не наполнял Арию ликованием.

Следующей появилась Эмили Филдс. В тех же потертых джинсах и лимонно-желтой футболке *Old Navy*, в которой она щеголяла накануне вечером. Сейчас вещи на ней были мятыми, словно она спала в одежде.

– Привет, – вяло поздоровалась Эмили, опускаясь на газон рядом с Арией.

В это самое мгновение из своего дома вышла мрачная Спенсер Хастингс, а Ханна Марин хлопнула дверцей «Мерседеса», принадлежавшего ее матери.

– Итак, – наконец нарушила молчание Эмили, когда девочки собрались все вместе.

– Итак, – вторила ей Ария.

Они одновременно повернулись и посмотрели на амбар, стоявший на заднем дворе дома Спенсер. Накануне Спенсер, Ария, Эмили, Ханна и их лучшая подруга Элисон ДиЛаурентис, верховодившая всей честной компанией, устроили «пиджамную» вечеринку, дабы отметить таким образом оконча-

ние седьмого класса. Однако девичник, который должен был продлиться до рассвета, внезапно оборвался еще до полуночи. Они-то надеялись, что эта их сходка станет идеальным прологом замечательного лета, а получилась полная ерунда.

Девочки старательно избегали встречаться взглядами. Не смотрели они и на большой викторианский дом, где жила семья Элисон. Через минуту-другую они войдут в него, – но не по приглашению Элисон, а потому что Джессика, ее мать, утром обзвонила всех четверых и сообщила, что дочь не вернулась домой и после завтрака. Может, Элисон задержалась у кого-то из них? Узнав, что дочь не появлялась ни у кого из подруг, мама Эли, казалось, не слишком встревожилась, но через несколько часов, когда она снова позвонила и сказала, что Эли так и не объявилась, ее голос дрожал и срывался.

Ария ту же затянула свой хвостик.

– Никто из нас не видел, куда пошла Эли, так?

Девочки покачали головами. Спенсер осторожно надавила на багровый синяк, утром появившийся на ее запястье. Где ушиблась – без понятия. А еще на коже она заметила несколько царапин – будто бы ей пришлось продирааться сквозь колючие заросли.

– И она никому не говорила, куда идет? – уточнила Ханна.

Девочки пожали плечами.

– Наверно, пошла туда, где ей интересно, – трагическим голосом заключила Эмили, повесив голову. Подруги окрестили ее Киллером, личным питбулем Эли. У Эмили сердце

обливалось кровью при мысли, что Эли где-то может веселиться без нее.

– Могла бы и нас позвать с собой, – сердито буркнула Ария, выбивая из газона комки земли с травой носками своих высоких а-ля байкерских сапожек.

Жаркое июньское солнце уже палило нещадно, обжигая еще не загоревшую после зимы кожу. Со стороны бассейна на заднем дворе донесся всплеск, откуда-то издали – гудение газонокосилки. Типичный роузвудский летний денек – кругом идиллия и покой – в каких-нибудь двадцати милях от шумной Филадельфии, штат Пенсильвания. Прямо сейчас девочки должны были бы расположиться у бассейна в загородном клубе Роузвуда и плялиться на симпатичных парней, которые учились вместе с ними в элитной частной школе – самом престижном учебном заведении города. В принципе, им ничто не мешало пойти туда, только как-то непривычно было развлекаться без Эли. В отсутствие подруги они чувствовали себя неприкаянно, будто актеры без режиссера или марионетки без кукловода.

На вчерашней «пижамной» вечеринке Эли больше обычного злилась на них. Была рассеянна. Она хотела устроить подругам сеанс гипноза, но, когда Спенсер потребовала не задерживать шторы, вспыхнул спор, а потом Эли вдруг взяла и ушла, даже не попрощавшись. Девочки догадывались, почему Эли бросила их: наверняка нашлось более интересное занятие, в компании более взрослых и куда более классных

друзей, чем они. И от этого на душе было гадко.

Каждая из них понимала, что рано или поздно Эли их бросит, хотя никому не хотелось признавать это. В частной школе Роузвуда Эли задавала тон, по ней сохли все мальчишки, она решала, кому быть популярным, кому – изгоем. Она могла очаровать *любого* – начиная со своего всегда мрачного старшего брата Джейсона и кончая ужасно строгим учителем истории. В прошлом году она выдернула из неизвестности Спенсер, Ханну, Арию и Эмили, приняв их в свой ближайший круг. И первые несколько месяцев все складывалось идеально: впятером они верховодили в коридорах школы, блистали на вечеринках шестиклассников и всегда занимали лучшее местечко в кафе *Rive Gauche* в торговом центре *King James*. Если за их любимым столиком обнаруживалась компания девчонок, уступавших им по популярности, команда Эли их просто прогоняла. Но к концу седьмого класса Эли стала все больше и больше отдаляться от подруг. Она перестала звонить им сразу же, как только приходила из школы домой. Перестала переписываться с ними эсэмэсками во время уроков. Зачастую, когда девочки разговаривали с Эли, взгляд ее вдруг стекленел, словно она думала о чем-то своем. Теперь Эли интересовали только их самые сокровенные, самые темные секреты.

Ария посмотрела на Спенсер.

– Вчера вечером ты выбежала из амбара вслед за Эли. Ты правда не видела, в какую сторону она направилась? – Де-

вочке пришлось перекрикивать громкое жужжание газонокосилки.

– Нет, – быстро ответила Спенсер, глядя на свои белые шлепанцы *J. Crew*.

– Ты выбегала из амбара? – Эмили теребила один из своих рыжевато-белокурых хвостиков. – Не припомню такого.

– Это случилось сразу после того, как Спенсер указала Эли на дверь, – уточнила Ария с нотками раздражения в голосе.

– Я же не думала, что она возьмет и *уйдет*, – пробормотала Спенсер, срывая росший на газоне под ивой ярко-желтый одуванчик.

Ханна с Эмили обгрызали заусенцы на пальцах. Ветер сменился, и воздух наполнился душистым ароматом сирени и жимолости. Последнее, что они помнили, – это странный сеанс гипноза, устроенный Элисон: она произвела обратный отсчет от ста до единицы, большим пальцем коснулась лба каждой из подруг и объявила, что теперь они в ее власти. Когда они очнулись – казалось, спустя несколько часов – от глубокого забытья, Эли в амбаре уже не было.

Эмили натянула на нос ворот своей футболки – она всегда так делала, когда волновалась. Футболка едва ощутимо пахла стиральным порошком и дезодорантом.

– Так что мы скажем маме Эли?

– Прикроем ее, – деловито ответила Ханна. – Скажем, что Эли встретила со своими подругами по хоккейной коман-

де.

Ария задрала вверх голову, бездумно глядя на оставленную самолетом белую полосу в безоблачной синей выси.

– Пожалуй. – На самом деле она не хотела прикрывать Эли. Минувшим вечером та отпускала недвусмысленные намеки по поводу ужасных тайн отца Арии. Разве заслуживает она того, чтобы Ария ей помогала?

Эмили наблюдала за шмелем, перелетавшим с цветка на цветок в палисаднике Спенсер. Она тоже не желала прикрывать Эли. Та, скорей всего, проводила время со своими давними подругами по хоккейной команде – разбитными наглыми девицами, которые пускали сигаретный дым из окон своих «Рэйндж Роверов» и посещали вечеринки, где пиво лилось рекой. Означает ли это, что Эмили – гадкий человек, раз хочет, чтобы из-за хоккеисток у Эли были неприятности? Выходит, Эмили – плохая подруга, раз хочет, чтобы Эли дружила только с ней одной?

Спенсер тоже хмурилась. Эли почему-то считает, что они обязаны лгать ради нее. С какой стати? Вчера вечером, когда Эли собралась коснуться ее лба и загипнотизировать, в знак протеста Спенсер вскочила с пола. Ей надоело, что Эли постоянно ими командует. Надоело подчиняться ее требованиям.

– Ну же, девчонки, – настаивала Ханна, чувствуя, что ее предложение не вызвало восторга у подруг. – Мы должны прикрыть Эли. – Меньше всего девочке хотелось, что-

бы у Эли появился повод с ними рассориться. Если это произойдет, Ханна вновь превратится в уродливую толстушку-неудачницу. И это было бы еще не самое страшное. – Если мы не выгородим ее, она может всем рассказать о... – Не договорив, Ханна устремила взгляд через улицу, туда, где стоял дом, в котором жили Тоби и Дженна Кавано. За последний год дом заметно обветшал, газон перед ним был не ухожен, нижнюю часть ворот гаража покрывал тонкий зеленый налет с пятнами плесени.

Весной прошлого года из-за их очередной выходки ослепла Дженна Кавано, когда она вместе с братом оказалась в их шалаше на дереве. Правда, никто не знал, что тот фейерверк устроили именно они. О том, что произошло на самом деле, подружки пообещали молчать. По требованию Эли. Она сказала, что эта тайна навеки скрепит их дружбу. Но что, если они больше *не* подружки? Эли могла быть жестокой по отношению к людям, которые ей не нравились. В начале шестого класса – внезапно, без всякой на то причины – выбросив из своего окружения Наоми Зиглер и Райли Вулф, Эли добилась того, чтобы этих девочек не приглашали на вечеринки. Она заставляла мальчишек доводить их телефонными звонками и даже залезала на их странички в *My Space*, где оставляла гадкие комментарии, издевательски раскрывая их постыдные секреты. Если же Эли бросит и новых подруг, какие обещания она нарушит? Какие тайны предаст огласке?

Парадная дверь дома ДиЛаурентисов отворилась и пока-

залась мама Элисон. Всегда ухоженная и элегантная миссис ДиЛаурентис выглядела сейчас неопрятно: белокурые волосы собраны в неряшливый хвостик; потрепанные шорты едва не сваливаются с бедер; грудь и живот обтягивает рваная футболка.

Девочки поднялись с газона и по каменной тропинке направились к дому Эли. В холле, как обычно, пахнет кондиционером для белья, на стенах – фотографии Элисон и ее брата Джейсона. Взгляд Арии метнулся к портрету Джейсона-старшекласника: отросшие белокурые волосы парня зачесаны назад, уголки рта приподняты в едва заметной улыбке. А вот еще одна фотка, самая любимая, сделана во время совместной поездки подруг в горы Поконо в июле прошлого года. Однако как всегда дотронуться до правого нижнего угла снимка девочки не успели. Миссис ДиЛаурентис завела их на кухню и жестом велела сесть за большой деревянный стол. Как-то непривычно было находиться в доме Эли в отсутствие самой Эли – словно они шпионили за ней. Куда ни посмотри – всюду вещи Эли: у двери постирочной – бирюзовые туфли *Tory Burch*; на столике с телефоном – маленький тюбик крема для рук с ее любимым ароматом ванили; к дверце холодильника из нержавеющей стали прищиплен магнитиком в форме пиццы табель успеваемости Эли – с одними пятерками, естественно.

Усадив подруг за стол, миссис ДиЛаурентис кашлянула.
– Я знаю, что вчера вечером вы все были с Элисон. Прошу

вас, подумайте хорошенько. Может, она все-таки намекнула, куда собирается пойти?

Девочки покачали головами, глядя на джутовые салфетки-подложки.

– Наверно, она со своими подругами из хоккейной команды, – выпалила Ханна, видя, что остальные и не думают отвечать.

Миссис ДиЛаурентис разорвала на мелкие кусочки листок со списком продуктов.

– Я уже обзвонила всех девочек и из хоккейной команды, и из спортивного лагеря. Ее никто не видел.

Подруги встревоженно переглянулись. Нервы натянулись как струны, сердца заколотились. Если Эли не с приятельницами, тогда где же она?

Миссис ДиЛаурентис барабанила пальцами по столу. Ногти у нее были неровные, словно она их обкусала.

– Вчера вечером она не упоминала, что собирается зайти домой? По-моему, я видела ее в дверях кухни, когда беседовала с... – Миссис ДиЛаурентис умолкла на полуслове, бросив взгляд на заднюю дверь. – Вид у нее был расстроенный.

– Мы и не знали, что Эли заходила домой, – тихо проронила Ария.

– О. – Дрожащими руками мама Эли потянулась за кофе. – Эли никогда не говорила, что ее кто-то дразнит?

– Да кто же стал бы ее дразнить?! – воскликнула Эмили. – Эли все любят.

Миссис ДиЛаурентис собралась было возразить, но передумала.

– Конечно, вы правы. Она никогда не говорила, что хочет убежать из дома?

– Исключено, – фыркнула Спенсер. Эмили опустила голову. В последнее время они с Эли частенько подумывали о том, чтобы убежать вместе. Фантазировали, как улетят в Париж и будут жить там под вымышленными именами. Но Эмили со стопроцентной уверенностью могла бы сказать, что Эли не была настроена на побег серьезно.

– Или ее что-то расстроило? – упорно продолжала допытываться миссис ДиЛаурентис.

На лицах подруг отразилось еще большее недоумение.

– *Расстроило?* – наконец повторила Ханна. – То есть... ее что-то мучило?

– Никогда, – решительно заявила Эмили, вспомнив, как весело Эли кружилась по газону минувшим днем, празднуя окончание седьмого класса.

– Если б ее что-то беспокоило, она бы нам сказала, – добавила Ария, хотя не была в том уверена. С тех пор как несколько недель назад они с Эли узнали ужасную тайну об отце Арии, девочка стала избегать Эли. Однако надеялась, что на «пижамной» вечеринке им удастся вернуть непринужденность в отношения.

Загрохотала посудомоечная машина ДиЛаурентисов, переключаясь в следующий режим. На кухню зашел мистер

ДиЛаурентис – потерянный, с затуманенным взглядом. Он посмотрел на жену, но, почувствовав неловкость ситуации, быстро развернулся и вышел, потирая крупный, с горбинкой, нос.

– Вы точно ничего не знаете? – настаивала миссис ДиЛаурентис, морща в беспокойстве лоб. – Я искала ее дневник, думала, может, она в нем написала что-то о своих планах, но найти его нигде не могу.

Ханна просияла.

– Я знаю, как он выглядит. Хотите, мы пойдем в комнату Эли и поищем? – Несколько дней назад, когда миссис ДиЛаурентис разрешила подругам подняться, не предупредив дочь о приходе гостей, девочки видели, как Эли что-то пишет в толстой тетради. Она была настолько увлечена этим занятием, что при появлении подруг вздрогнула, словно забыла, что сама их к себе пригласила. А еще через несколько секунд миссис ДиЛаурентис спровадила девочек вниз, так как хотела за что-то отчитать дочь. Потом Эли вышла на террасу и, казалось, была раздосадована тем, что подруги еще здесь. Видимо, считала, что незачем им было торчать у нее, пока она получала нагоняй от мамы.

– Нет, нет, не стоит, – ответила миссис ДиЛаурентис, быстро поставив на стол чашку с кофе.

– Да нам не трудно. – Ханна отодвинулась на стуле, встала и направилась в сторону холла. – Честное слово.

– Ханна! – окрикнула ее мама Эли неожиданно резким

голосом. – Я сказала «нет».

Ханна остановилась на полпути. Что-то необъяснимое промелькнуло в лице миссис ДиЛаурентис.

– Хорошо, – тихо сказала Ханна, возвращаясь к столу. – Извините.

Потом миссис ДиЛаурентис рассыпалась в благодарностях – спасибо, что отозвались и пришли, – и на этом визит был закончен. Девочки одна за другой выскочили на улицу, щурясь на пугающе ярком солнце. В тупике выписывала большие восьмерки на своем самокате фирмы *Razor* Мона Вондервол – лузерша из их класса. Увидев подруг Эли, она помахала им. Но ей никто не ответил.

Эмили поддела носком вылезший из кладки кирпич на дорожке.

– Миссис Ди слишком остро реагирует. С Эли все нормально.

– Эли *расстроена*... – настаивала Ханна. – Надо ж такое выдумать!

Ария сунула руки в задние кармашки своей мини-юбки.

– А если она и впрямь сбежала? Не потому, что несчастна – просто решила пожить в более крутом месте. Наверно, про нас и думать забыла.

– Не забыла! – вспыхнула Эмили. А потом вдруг расплакалась.

Спенсер, взглянув на нее, закатила глаза.

– *Боже*, Эмили. Более подходящего момента не нашла?

– Отстань от нее! – рявкнула Ария.

Спенсер перевела взгляд на Арию, смирила ее с головы до ног.

– У тебя кольцо в носу перекошилось, – ехидно заметила она.

Ария потрогала украшение на левой ноздре. Оно сползло почти на щеку. Она поправила кольцо, а потом, вдруг смутившись, сняла его.

Послышалось шуршание, затем громкий хруст. Девочки обернулись и увидели, что Ханна достает из сумочки горсть сырных крекеров. Та, заметив, что за ней наблюдают, на секунду замерла. Рот ее был измазан оранжевой присыпкой.

– Что? – спросила она.

С минуту девочки стояли в молчании. Эмили отирала слезы. Ханна украдкой сунула в рот еще горсть крекеров. Ария теребила пряжки на своих сапожках. Спенсер, сложив на груди руки, смотрела на подруг со скукой на лице. В отсутствие Эли подруги вдруг показались ей какими-то невзрачными. Неинтересными.

С заднего двора Эли донесся оглушительный рев. Девочки обернулись. У огромного котлована стоял красный автобетоносмеситель. ДиЛаурентисы строили беседку на двадцать персон. Один из рабочих – грязный, сухопарый, со светлыми волосами, собранными в хвостик-обрубок, – поднял на лоб очки с зеркальными стеклами и плотоядно улыбнулся девочкам, сверкнув при этом золотой коронкой в пе-

редних зубах. Другой рабочий – лысый здоровяк в татуировках, майке и драных джинсах – присвистнул. Подруги неловко поежились: Эли говорила, что строители, когда она проходит мимо, постоянно отпускают непристойные замечания. Потом один из них подал сигнал водителю за рулем автобетоносмесителя, и грузовик медленно сдал назад. В котлован по длинному лотку потекла аспидно-серая масса.

Эли уже несколько недель захлеб рассказывала им про беседку. Что с одной стороны в ней будет джакузи, с другой – очаг для костра. А вокруг густая растительность – кустарники, деревья. Благодать, как в тропиках.

– Эли беседка понравится, – уверенно сказала Эмили. – Она будет там устраивать самые клевые вечеринки.

Остальные осторожно кивнули. Они надеялись быть в числе приглашенных. Надеялись, что это еще не конец.

* * *

А потом девочки расстались, отправившись по домам. Войдя в кухню, Спенсер подошла к окну и посмотрела на амбар, в котором накануне проходила злосчастная «пижамная» вечеринка. Даже если Эли навсегда бросила их, что с того? Пусть подруги убиты горем, но, может, это не так уж и плохо. Спенсер до чертиков надоело диктаторство Эли.

Кто-то шмыгнул носом. Спенсер вздрогнула. За столом кухонного «островка» сидела мама. Сидела и невидящим

взглядом смотрела в пустоту.

– Мама? – тихо окликнула ее Спенсер, но миссис Хастингс не отозвалась.

Ария шла по подъездной аллее перед домом ДиЛауренти-сов. На обочине стояли мусорные баки, ожидавшие субботнего мусоровоза. С одного из них слетела крышка, и Ария заметила пустую аптечную склянку, брошенную поверх туго набитого мешка из черного пластика. Этикетка была порядком расцарапана, однако на ней вполне отчетливо читалось имя Эли, выведенное печатными буквами. «Интересно, антибиотики или что-то от аллергии?» – подумала Ария. Этой весной пыльца в Роузвуде была просто зверская.

Ханна сидела на декоративном валуне перед домом Спенсер и ждала, когда за ней приедет мама. В тупике все еще гоняла на самокате Мона Вондервол. Может, миссис ДиЛаурентис все-таки права? Кто-то посмел дразнить Эли так же, как Эли с подругами насмеялись над Моной?

Эмили взяла свой велосипед и пошла к лесу за домом Эли – решила срезать путь домой. Рабочие, строившие беседку, устроили перерыв. Больше всех прикалывались сухопарый мужик с золотым зубом и еще один – обладатель тонких усиков. Оба и думать забыли про бетонную смесь, которая текла в котлован из бетономешалки. Вдоль обочины были припаркованы автомобили всей бригады: помятая «Хонда», два пикапа и джип «Чероки» с лозунгом на бампере. Замыкал вереницу смутно знакомый черный седан – хоть и такой же

древний, но попримечнее остальных машин. Проезжая мимо на велосипеде, Эмили увидела свое отражение в его сияющих дверцах. Вид у нее был задумчивый. И что же ей делать, если Эли больше не захочет быть ее подругой?

Солнце поднималось к зениту, а девочки все думали, что же будет, если Эли действительно их бросила, как когда-то Наоми с Райли. И ни одна из них не приняла всерьез истеричные вопросы миссис ДиЛаурентис. Как-никак, она мама Эли, ей *положено* волноваться.

Ни одна из подруг и представить не могла, что уже на следующий день газон перед домом ДиЛаурентисов заполонят фургоны служб новостей и полицейские машины. Тем более не могли они знать, куда отправилась Эли и с кем она собиралась встретиться, выбежав в тот вечер из амбара. Нет, в тот погожий июньский день, в первый день летних каникул, они отмахнулись от тревог миссис ДиЛаурентис. В таких чудесных уголках, как Роузвуд, просто не может случиться ничего плохого. И уж тем более с такой девочкой, как Эли. *С ней все хорошо*, думали они. *Она вернется*.

И вот по прошествии трех лет появилась надежда, что, возможно, – чем черт не шутит? – они все-таки были правы.

1

Замри и не дыши!

Эмили открыла глаза и огляделась. Она лежала посреди двора Спенсер Хастингс, окруженная стеной дыма и огня. Кривые сучья деревьев ломались и с оглушительным треском падали на землю. Лес полыхал жаром. Ощущение было такое, что сейчас середина июля, а не конец января.

Ее лучшие подруги Эмили, Ария Монтгомери и Ханна Марин, в грязных вечерних платьях из шелка с блестками, истошно кашляли неподалеку. Где-то сзади выли сирены. Вдалеке мигали огни пожарных машин. Четыре «неотложки» влетели на газон Хастингсов, безжалостно сминая колесами аккуратно подстриженные кусты и клумбы.

Сквозь клубы дыма прорвался врач «скорой помощи» в белом халате.

– Жива?! – прокричал он, опускаясь на колени возле Эмили.

Ей казалось, что она очнулась после годичного сна. Произошло что-то из ряда вон выходящее... но *что?*

Девушка снова стала валиться на землю, но врач успел поймать ее за руку.

– Вы надышались дымом! – крикнул он. – Вашему мозгу не хватает кислорода. Поэтому вы периодически теряете со-

знание. – Он надел ей на лицо кислородную маску.

В поле ее зрения всплыл еще один силуэт. Роузвудский полицейский, которого Эмили не узнавала. Седоватый мужчина с добрыми зелеными глазами.

– Кроме вас четверых, в лесу был еще кто-нибудь?! – спросил он, перекрикивая шум.

Эмили разжала губы, собираясь ответить. Хотя что она могла сказать? Ответ ускользал от нее. А потом – будто включили свет – она вспомнила все, что случилось за последние часы.

Эсэмэски от «Э». Их новый анонимный мучитель утверждал, что Йен Томас не убивал Элисон ДиЛаурентис. Потом регистрационный журнал, который Эмили нашла во время вечеринки в отеле «Рэдли». В нем постоянно попадалось имя Джейсона ДиЛаурентиса, и, возможно, это означало, что Джейсон был пациентом психиатрической больницы, которая раньше размещалась в здании гостиницы. Переписка с Йеном и слова молодого человека о том, что Эли убили Джейсон и Даррен Вилден – полицейский, который как раз и расследовал убийство Эли. Его предупреждение о том, что Джейсон с Вилденом ни перед чем не остановятся, лишь бы заставить их всех молчать.

А потом щелчок. Жуткий запах серной кислоты. И десять акров леса, охваченные огнем.

Эмили и Ханна бросились к дому Спенсер. Бежали наугад, ничего не видя перед собой. По пути догнали Арию,

которая срезала путь, помчавшись через лес от своего нового дома, находившегося на соседней улице. С Арией была девушка, тоже оказавшаяся в огненном капкане. Девушка, которую Эмили уже не надеялась когда-либо увидеть.

Эмили стянула с лица кислородную маску.

– *Элисон*, – крикнула она. – Не забудьте про Элисон!

Полицейский склонил набок голову. Врач приставил к уху ладонь.

– Про кого?

Эмили обернулась, показывая туда, где на траве только что лежала Эли, и отшатнулась: Эли исчезла.

– *Не может быть*, – прошептала Эмили. Она резко развернулась. Санитары заводили ее подруг в машины «скорой помощи». – Ария! Спенсер! Ханна! – пронзительным голосом окликнула их Эмили.

Подруги обернулись.

– Эли! – визгливо кричала Эмили, взмахами руки показывая на пяточок, где только что была Эли. – Вы видели, куда пошла Эли?

Ария покачала головой. Ханна, водя глазами туда-сюда, держала у лица кислородную маску. Побелевшую от ужаса Спенсер окружили санитары, помогая ей залезть в машину «скорой помощи».

Эмили в отчаянии воззрелась на врача. На ее лице плясали отсветы пламени, пожиравшего мельницу Хастингсов.

– Элисон *здесь*! Мы только что ее видели!

Врач с сомнением посмотрел на нее.

– Вы имеете в виду Элисон ДиЛаурентис, девочку, которая... умерла?

– Она не умерла! – взвыла Эмили и попятилась, едва не споткнувшись о торчавший из земли корень дерева. Она показала на полыхающий лес. – Она ранена! Сказала, что кто-то пытался ее убить!

– Мисс. – На плечо легла рука полицейского. – Прошу вас, успокойтесь.

Где-то совсем рядом раздался треск. Эмили быстро повернулась. На нее смотрели разинув рты четыре репортера, стоявшие у веранды Хастингсов.

– Мисс Филдс? – Один из журналистов ринулся к Эмили, тыча микрофоном ей в лицо. Следом подскочили телерепортер с кинокамерой и еще один с микрофонным штативом.

– Что вы сказали? *Кого* вы только что видели?

У Эмили гулко стучало сердце.

– Мы должны помочь Элисон! – Она снова огляделась. Двор Спенсер кишел полицейскими и медперсоналом. Во дворе дома, где когда-то жила Эли, напротив, было темно и безлюдно. За стальными прутьями ограды, отделявшей участок Хастингсов от дома ДиЛаурентисов, мелькнул чей-то силуэт. У Эмили екнуло в груди. *Эли?* Но это была всего лишь тень от мигалки полицейского автомобиля.

Между тем журналистов на заднем дворе Хастингсов прибавилось. Подъехала пожарная машина. Пожарные, повы-

скакивав из нее, направили на лес огромный рукав. Эмили тронул за руку лысый репортер средних лет.

– Как выглядела Элисон? – спросил он. – Где она была?

– Все, хватит. – Полицейский отогнал журналистов от Эмили. – Дайте ей отдышаться.

Репортер сунул микрофон ему под нос.

– Вы намерены проводить расследование по ее заявлению? Намерены искать Элисон?

– Кто устроил поджог? Вы видели?! – прорвался еще чей-то крик сквозь рев брандспойтов, из которых били мощные струи пены.

– Пойдемте. – Санитары повели Эмили прочь от журналистов.

Эмили издала судорожный всхлип, в отчаянии глядя на пустой пятачок газона. То же самое произошло на прошлой неделе, когда они нашли в лесу мертвого Йена. Они видели его своими глазами: раздутый труп с посеревшей кожей лежал на траве, а потом вдруг... *испарился*. Неужели опять? *Не может быть*. Эмили несколько лет воздыхала по Эли, изучая каждую черточку ее лица, запоминая каждый волосок на ее голове. И та девушка из леса выглядела *точь-в-точь* как Эли. У нее был такой же резкий сексуальный голос, как у Эли; и руки такие же маленькие и изящные. Эмили хорошо их рассмотрела, когда девушка вытирала с лица сажу.

Эмили подвели к машине «скорой помощи». Один из санитаров надел ей на лицо кислородную маску и помог лечь

на носилки. Сотрудники медбригады сели рядом и пристегнулись ремнями безопасности. Взвыла сирена, и автомобиль стал медленно выезжать со двора. Уже на улице, через заднее окно «неотложки» Эмили заметила полицейский автомобиль. С выключенными фарами и сиреной. Однако он проехал мимо дома Хастингсов.

Эмили снова принялась высматривать Эли, но видела только любопытных зевак. Среди них была миссис Маклеллан, жившая на той же улице. Возле почтового ящика топтались мистер и миссис Вондервол, чья дочь, Мона, была первым «Э». Эмили не встречала их уже несколько месяцев, со дня похорон Моны. Даже семья Кавано вышла на улицу. Все они с ужасом смотрели на пожар. Рука миссис Кавано покоилась на плече Дженны, словно она оберегала дочь. Незрячие глаза Дженны прятались под темными очками *Gucci*, но Эмили показалось, что она смотрит прямо на нее.

А вот Эли в этом хаосе нигде видно не было. Она исчезла... опять.

2

В дыму

Спустя шесть часов, в отделении неотложной помощи Розвудской больницы, бойкая медсестра с длинным хвостиком каштановых волос дала отцу Арии какой-то документ, закрепленный на специальном планшете с зажимом, велела расписаться внизу и, отодвинув шторку закутка, в котором лежала Ария, сказала:

– У нее синяки на ногах, она надышалась дымом, но в остальном, думаю, с ней все в порядке.

– Слава богу, – выдохнул Байрон, ставя свою размашистую подпись. Вместе с братом Арии, Майком, он явился в больницу почти сразу после того, как «скорая» доставила туда его дочь. Мать Арии, Элла, развлекалась в Вермонте, куда «на пару дней» поехала со своим подлым возлюбленным Ксавьером, и ей Байрон сказал, что мчаться домой нет необходимости.

Медсестра внимательно глянула на Арию.

– Твоя подруга Спенсер просила, чтобы ты зашла к ней перед выпиской. Она на втором этаже. В двести шестой палате.

– Хорошо, – дрожащим голосом проронила Ария, заерзав под шершавыми больничными простынями.

– Я подожду тебя в вестибюле, – сказал Байрон дочери, поднимаясь с белого пластикового стула возле кровати. – Не торопись.

Ария медленно слезла с койки и провела руками по своим иссиня-черным волосам. На постель посыпались хлопья сажи и пепла. Она натянула джинсы, сунула ноги в туфли. Каждое движение отдавалось болью в мышцах, будто девушка совершила восхождение на Эверест. перевозбужденная от пережитого в лесу, за всю ночь она не сомкнула глаз. Подруги находились в этом же отделении, но все в разных палатах, так что ни с кем из них переговорить ей так и не удалось. Каждый раз, едва она пыталась встать, в занавешенный шторкой закуток влетали медсестры... И твердили одно и то же: отдохни, поспи, тебе это необходимо. *Ну-ну*. Куда проще.

Ария не знала, как относиться к случившемуся. Как к тяжкому испытанию, по меньшей мере. Сначала она бежала через лес к амбару Спенсер. В заднем кармане у нее лежал лоскут флага «Капсула времени», который она выкрала у Эли в шестом классе. На этот клочок блестящей синей ткани Ария отказывалась смотреть долгих четыре года, но Ханна была убеждена, что рисунки на нем – это ключ к разгадке убийства Эли. А потом, как раз в тот момент, когда Ария поскользнулась на мокрых листьях, в нос ей ударил едкий запах бензина. Она услышала щелчок зажигалки, и лес вокруг запылал. Огонь ослеплял, жаркий воздух опалял кожу. А еще через несколько секунд она наткнулась на человека, ко-

торый отчаянно звал на помощь. На человека, чье тело, как все они считали, было обнаружено в полувырытом котловане на заднем дворе дома ДиЛаурентисов. Это была *Эли*.

Во всяком случае, так Ария тогда думала. Но теперь... теперь ее мучили сомнения. Она взглянула на свое отражение в зеркале на двери. Щеки запали, глаза красные. Врач отделения неотложной помощи, который обследовал Арию и назначил ей лечение, объяснил, что у людей, надышавшихся ядовитым дымом, обычно возникают бредовые видения. Это типичное явление: от нехватки кислорода мозг перестает работать. А она *действительно* чуть не задохнулась в лесу. И Эли казалась какой-то расплывчатой, нереальной, словно мираж. О том, чтобы у какой-то определенной группы людей одновременно возникла одна и та же галлюцинация, Арии слышать не приходилось. Но ведь вчера вечером они все думали об Эли. Может, потому каждой из них Эли и привиделась, когда мозг дал сбой.

Переодевшись в джинсы и свитер, принесенные из дома отцом, Ария отправилась на второй этаж – в палату Спенсер. В гостевом холле через коридор, каждый уткнувшись в свой *BlackBerry*, ожидали мистер и миссис Хастингс. Между тем Ханна с Эмили, тоже в джинсах и свитерах, уже сидели в палате их дочери. Сама Спенсер, все еще в больничной сорочке, лежала на кровати под капельницей. Кожа у нее пожелтела, голубые глаза терялись в фиолетовых кругах, на квадратном подбородке красовался синяк.

– Как ты?! – воскликнула Ария. Ей никто не сказал, что Спенсер так сильно пострадала.

Спенсер вяло кивнула и, нажав кнопку на боковине кровати, подняла изголовье, чтобы сесть.

– Теперь гораздо лучше. Говорят, отравление угарным газом порой приводит к самым неожиданным последствиям.

Ария огляделась. В палате пахло болезнями и хлоркой. Монитор в углу отслеживал показатели состояния Спенсер. На краю маленькой хромированной раковины лежала стопка коробок с хирургическими перчатками. Зеленые стены. На окне штора с цветочным узором. На стене у окна – большой плакат, объясняющий, как женщине следует ежемесячно обследовать грудь. Рядом с женской округлостью какой-то подросток конечно же пририсовал пенис.

У окна на детском стульчике сидела Эмили со спутанными рыжевато-белокурыми волосами. Губы у нее потрескались. Эмили постоянно ерзала – ее крупное тело пловчихи едва умещалось на маленьком сиденье. Ханна стояла у двери, одним боком привалившись к табличке, напоминавшей медперсоналу больницы о необходимости надевать перчатки. Ее ореховые глаза будто остекленели, взгляд был отсутствующий. В узких темно-синих джинсах, которые теперь висели на ней, она казалась еще более хрупкой, чем обычно.

Ария молча полезла в свою мохнатую сумочку из шкуры яка, вытащила лоскут флага Эли и разложила его на кровати Спенсер. Девушки нависли над ним. Ткань покрывали бле-

стящие серебряные закорючки. А еще логотип *Chanel*, товарный знак *Louis Vuitton* и имя Эли, выведенное большими дутыми буквами. В углу был нарисован источник, где загадывают желанья – каменный колодец с конусообразной крышей и рукояткой для вращения барабана. Ария пальцем очертила колодец по контуру. Она не видела каких-то явных значимых подсказок о том, что могло произойти с Эли в вечер ее убийства. Обычная ерунда, какой разрисовывают фрагменты «Капсулы времени».

Спенсер коснулась края ткани.

– Я и забыла, что Эли писала такие дутые буквы.

Ханна поежилась:

– Увидела ее почерк, и сразу такое чувство, будто она здесь, с нами.

Подруги подняли головы и испуганно переглянулись. Было ясно, что все они думают одно и то же: *Как и несколько часов назад, в лесу*. Потом разом заговорили.

– Мы должны... – выпалила Ария.

– Что нам... – прошептала Ханна.

– Доктор сказал... – через полсекунды тихо молвила

Спенсер. Они все одновременно осеклись и посмотрели друг на друга. Лица у всех стали белые, как наволочки на подушках под головой Спенсер.

– Нужно что-то делать, девчонки, – заявила Эмили. – Эли где-то там. Нужно понять, куда она делась. Ее искали в лесу? Кто-нибудь что-то слышал об этом? Я сказала копам, что

мы ее видели, а им хоть бы что, даже с места не сдвинулись!

У Арии сжалось сердце. Спенсер недоверчиво посмотрела на нее.

– Ты сказала копам? – повторила она, убирая с глаз светлую прядь волос.

– Конечно! – шепотом воскликнула Эмили.

– Но... Эмили...

– Что? – сердито спросила Эмили, воззрившись на Спенсер ошалелым взглядом, словно у той на лбу внезапно вырос длинный рог.

– Эм, это была просто галлюцинация. Так сказали врачи. Эли умерла.

Эмили выкатила глаза:

– Но мы же *все* ее видели. То есть, по-твоему, нас всех посетило одно и то же видение?

Спенсер, не мигая, смотрела на Эмили. Прошло несколько напряженных секунд. Из-за двери донеслось пиканье. По коридору прокатили кровать, издававшую визгливый скрип.

Эмили всхлипнула. Ее щеки стали пунцовыми. Она повернулась к Ханне с Арией.

– Вы ведь тоже видели Эли, да?

– В принципе, это *могла быть* и Эли, – произнесла Ария, опускаясь в инвалидную коляску, стоявшую у крошечной ванной. – Но, Эм, доктор сказал мне, что я просто надышалась дымом. И, в общем-то, логика в этом есть. Иначе как бы Эли исчезла после пожара?

– Ну да, – слабым голосом согласилась Ханна. – И к тому же где она пряталась все это время?

Эмили развела в стороны руки и со всего размаху хлопнула себя по бокам. Стоявший рядом штатив с капельницей задрезжал.

– Ханна, ты говорила, что видела Эли у своей кровати в больнице, когда лежала здесь в прошлый раз. Может, это *действительно* была она!

Ханна со смущенным видом теребила высокий каблук своего замшевого сапога.

– Ханна находилась в коме, когда ей привиделась Эли, – возразила Спенсер. – Она тогда явно грезил.

Эмили, ничуть не сконфузившись, ткнула пальцем в Арию.

– Вчера вечером ты вывела за собой кого-то из леса. Если это была не Эли, тогда кто?

Пожав плечами, Ария, сидевшая в инвалидном кресле, провела ладонью по спицам одного из колес. За большим окном палаты всходило солнце. На больничной парковке стояли в ряд сияющие «БМВ», «Мерседес» и «Ауди». Просто поразительно, что все выглядело так обыденно после сумасшедшей ночи.

– Не знаю, – призналась Ария. – В лесу было темно. И... о *черт*. – Она полезла во внутренний карман сумки.

Раскрыв ладонь, Ария продемонстрировала хорошо знакомую подругам вещь: кольцо с ярко-голубым камнем – та-

кие вручаются всем выпускникам частной школы Роузвуда. На внутренней его стороне имелась надпись: ЙЕН ТОМАС. Когда на прошлой неделе в лесу они обнаружили труп Йена, это кольцо было у него на пальце.

– Оно просто лежало на земле, – объяснила Ария. – Не понимаю, почему копы его не нашли.

Эмили охнула. Спенсер пришла в замешательство. Ханна схватила кольцо с ладони Арии и поднесла его к лампе над кроватью Спенсер.

– Может, оно соскользнуло с пальца Йена, когда он убегал?

– И что с ним теперь делать? – спросила Эмили. – Отдать полиции?

– Ни в коем случае, – прошипела Спенсер. – А то что ж получается? Мы обнаружили в лесу тело Йена, заставили копов прочесать лес, они ничего не нашли, а потом *voilà!* Мы сами находим кольцо. Уж больно подозрительно. Зачем ты вообще его взяла? Это ж улика.

Ария, в свитере шотландской вязки «фэр-айл»¹, сложила на груди руки.

– Откуда я могла это знать? И что теперь делать? Положить туда, где я его нашла?

---

¹ «Фэр-айл» – техника вязания, разработанная на одноименном шотландском острове (Фэр-Айл), многоцветное вязание с протяжками по изнаночной стороне полотна. Особенностью орнамента являются горизонтальные полосы с мотивами в виде ромбов, квадратиков, зигзагов, крестиков и узнаваемых фигур в виде русской буквы «Ж». *Здесь и далее примеч. перев.*

– Нет, – распорядилась Спенсер. – После пожара полицейские опять заполонят лес. Не дай бог заметят, как ты возвращаешься на место кольцо, и начнут задавать вопросы. Лучше пока поддержи его у себя.

Эмили стала нетерпеливо елозить на маленьком стульчике.

– Ты ведь видела Эли после того, как нашла кольцо? Да, Ария?

– Не уверена, – отвечала та. Она постоянно прокручивала в голове те безумные минуты в лесу. А картины становились все более расплывчатыми. – Я даже ни разу не *дотронулась* до нее...

Эмили встала.

– Да что с вами такое, девчонки? Почему вы вдруг перестали верить тому, что мы видели?

– Эм, – мягко произнесла Спенсер. – Ты слишком остро реагируешь.

– Ничего подобного! – вскричала Эмили. Ее щеки вспыхнули ярким румянцем, отчего веснушки на них стали более заметны.

Разговор подруг прервал громкий пронзительный сигнал тревоги в соседней палате. Крики медсестер. Неистовый топот бегущих ног. Тошнотворное чувство охватило Арию. Неужели там кто-то умирает!

Спустя несколько минут шум стих. Спенсер прокашлялась.

– Самое важное – это понять, кто устроил пожар. Вот *на чем* сейчас должны сосредоточиться копы. Минувшей ночью кто-то пытался нас убить.

– Не просто кто-то, – прошептала Ханна. – *Они*.

Спенсер посмотрела на Арию:

– В амбаре мы позвонили Йену. Он все нам рассказал. Он был уверен, что это сделали Джейсон с Вилденом. Все, о чем мы говорили вчера вечером, чистая правда, и они задались целью заставить нас молчать.

У Арии тяжело вздымалась грудь: она вспомнила еще кое-что.

– Я видела в лесу человека, который устроил пожар.

Спенсер, сидя на кровати, вытянулась в струнку. Глаза ее округлись, как блюдца.

– *Что?*

– Ты видела его лицо?! – воскликнула Ханна.

– Не знаю. – Ария зажмурилась, заставляя себя вспомнить этот кошмар. Уже с кольцом Йена в руке – буквально через несколько секунд – она увидела, как кто-то крадучись пробирается по лесу в нескольких шагах от нее. Лицо идущего впереди человека было скрыто капюшоном. Она всем естественным почувствовала, что знает, кто это. И когда поняла, что он задумал, оцепенела. Помешать этому она была не в силах. В считанные секунды огонь распространился по земле, с жадностью подбираясь к ее ногам.

Подруги ждали ответа, Ария чувствовала на себе их

взгляды.

– Он был в капюшоне, – проговорила она, – но я абсолютно уверена, что это был...

Закончить фразу ей помешал громкий скрип. Дверь медленно отворилась, и в палату сначала пролился яркий свет из коридора, а потом вошел человек, лицо которого против света трудно было разглядеть. Когда же Ария его все-таки рассмотрела, сердце чуть не выпрыгнуло у нее из груди. Голова закружилась... *Не падай в обморок*, велела она себе. Это был один из тех, о ком предупреждал «Э». Именно его Ария видела тогда в лесу, точно. Одного из убийц Эли.

Полицейского Даррена Вилдена.

– Здравствуйте, девочки, – поприветствовал их Вилден. Его зеленые глаза блестели; кожа на красивом худощавом лице шелушилась от холода. Полицейская форма плотно облегла фигуру, подчеркивая мускулистое тело.

У кровати Спенсер он помедлил, наконец-то заметив недружелюбное выражение на лицах подруг.

– В чем дело?

Подруги испуганно переглянулись.

– Нам все про вас известно, – произнесла Спенсер, прокашлявшись.

Вилден оперся на спинку кровати, стараясь не задеть штатив с капельницей.

– Простите?

– Я только что вызвала медсестру, – громче сказала Спен-

сер, и голос ее прозвучал громко, будто на репетиции драмкружка частной школы Роузвуда. – Вы ничего не успеете нам сделать, она приведет охрану. Мы знаем, что это вы устроили пожар. И знаем *зачем*.

На лбу Вилдена прорезались глубокие морщины, на шее набухла вена. Сердце бухало у Арии в ушах, заглушая все остальные звуки в палате. Никто не шевелился. Вилден скользил по ним сердитым взглядом, и чем дольше он смотрел, тем беспокойнее чувствовала себя Ария.

Наконец Вилден поменял позу.

– Пожар *в лесу*? – Он как-то неопределенно хмыкнул. – Вы это серьезно?

– Я видела, как вы покупали пропан в хозяйственном магазине. – Голос Ханны дрожал, плечи напряглись. – Вы погрузили в машину три канистры – вполне достаточно, чтобы спалить тот лес. И почему вас не было на месте преступления после пожара? Вся полиция Роузвуда там собралась.

– Я видела, как быстро вы *уезжали* от дома Спенсер, – встала Эмили, поднимая колени к груди. – Будто скрывались с места преступления.

Ария украдкой глянула на Эмили. Сомнительно, пожалуй... Она не видела, чтобы какой-то полицейский автомобиль отъезжал от дома Спенсер вчера вечером.

Вилден прислонился к металлической раковине в углу.

– Девочки. А *зачем* бы я стал поджигать лес?

– Чтобы замести следы того, что вы сделали с Эли, – от-

ветила Спенсер. – Вы и Джейсон.

Вздрогнув, Вилден бросил взгляд на Эмили. Потом оценивающе посмотрел на остальных, с обидой на лице, как человек, которого предали.

– Вы действительно верите, что я пытался причинить вам зло? – спросил он. Девушки едва заметно кивнули. Вилден покачал головой. – Я старался вам *помочь!* – Подруги молчали. – Боже, – вздохнул Вилден. – Ну хорошо. Вчера вечером, когда случился пожар, я был у своего дяди. Я жил у него, когда учился в школе. Он очень болен. – Вилден сунул руки в карманы и вытащил клочок бумаги. – Вот.

Ария и остальные склонились над ним. Это был аптечный чек.

– В девять пятьдесят семь я заезжал в аптеку за лекарствами. Там и услышал, что начался пожар, как раз где-то в районе десяти, – объяснил Вилден. – Наверняка мой приход зафиксировала видеочамера системы безопасности. Как я мог находиться в двух местах сразу?

Арии показалось, что палата заполнилась едким запахом одеколона Вилдена, и ей опять стало дурно. Значит, это не Вилден поджег лес? Значит, она видела там кого-то другого?

– Что касается газовых баллонов, – продолжал Вилден, коснувшись огромного букета на тумбочке Спенсер, – то пропан я купил по просьбе Джейсона ДиЛаурентиса для его дома у озера в Поконо. Джейсон слишком занят, а мы старые друзья, вот я и согласился помочь.

Ария посмотрела на подруг, ошеломленных невозмутимостью Вилдена. Вчера вечером, узнав, что Джейсон с Вилденом друзья, они восприняли это как откровение, разоблачение тайны огромной важности. Теперь же, при свете дня, этот факт не казался столь уж значимым, тем более что Вилден не юлил и ничего не отрицал.

– А про то, что мы с Джейсоном сделали с Эли... – Голос Вилдена затих. Полицейский сделал несколько шагов, остановившись у столика на колесах, на котором стояли графин с водой и два пластиковых стаканчика. – Чтобы я причинил ей зло! – растерянно сказал он. – Полнейший бред. А Джейсон – ее брат! Вы действительно считаете, что он на такое способен?

Ария открыла рот, собираясь возразить. Минувшим вечером Эмили нашла регистрационный журнал психиатрической больницы, прежде размещавшейся в здании гостиницы «Рэдли», и там чуть ли не на каждой странице фигурировало имя Джейсона ДиЛаурентиса. К тому же, дразня Арию, новый «Э» дал понять, что Джейсон, возможно, утаивает какие-то свои разногласия с Эли. Эмили он намекнул, что Дженна с Джейсоном якобы ругались, стоя у окна в комнате Дженны. Арии не хотелось верить в виновность Джейсона: отдавая дань давнишнему увлечению, она несколько раз ходила с ним на свидание, последний раз – неделю назад. Но в ту пятницу, во время их встречи у него в квартире в Ярмуте, Джейсон просто слетел с катушек.

Вилден в изумлении качал головой, словно пораженный подозрениями подруг. «Есть хотя бы доля истины в словах „Э“?» – подумала Ария. Внезапно все их логически выстроенные версии оказались весьма туманными. Она вопросительно посмотрела на подруг. В их лицах тоже читалось сомнение.

Вилден закрыл дверь палаты Спенсер и сердито глянул на девушек.

– Дайте-ка угадаю, – тихо произнес он. – Все эти мысли заронил в ваши головки новоявленный «Э»?

– «Э» *настоящий*, – твердо сказала Эмили. Не в первый раз Вилден говорил, что «Э» – подражатель и ничего более. – Он и вас сфотографировал, – добавила она. Порывшись в кармане, девушка вытащила телефон и открыла сообщение с приложенным фото Вилдена. На снимке тот направлялся в исповедальню. Через плечо подруги Ария успела прочитать подпись под снимком: «*В чем же он хочет покаяться?*» – Вот, смотрите. – Эмили сунула фото под нос Вилдену.

Тот взглянул на экран. Ни один мускул не дрогнул в его лице.

– Я не знал, что посещение церкви является преступлением.

Хмурясь, Эмили убрала телефон в спортивную сумку. Последовала долгая пауза. Вилден пощипывал переносицу своего крупного длинного носа с горбинкой. Воздух в палате сгустился так, что нечем было дышать.

– Послушайте, девочки, я вот ведь зачем пришел. – Радужная оболочка его глаз потемнела, стала почти черной. – Не надо твердить всем и каждому, что вы видели Элисон.

Подруги испуганно переглянулись. Спенсер с торжествующим видом приподняла идеальные дуги своих бровей, словно говоря: *Я так и думала*. Первой, естественно, подала голос Эмили:

– Вы хотите, чтобы мы *лгали*?

– Вы ее *не* видели, – сурово отчеканил Вилден. – Будете настаивать на своем, привлечете к себе нежелательное внимание. Вам понравилось, как все возмутились, когда вы заявили, будто видели тело Йена? Теперь будет в десять раз хуже.

Ария переступила с ноги на ногу, теребя манжету своего свитера с капюшоном. Вилден разговаривал с ними, как полицейский из южной Филадельфии с наркоторговцами. Но что плохого они сделали?

– Это нечестно, – запротестовала Эмили. – Ей нужна наша помощь.

Вилден обреченно воздел руки к белому потолку палаты. Рукава его рубашки были закатаны по локоть, и на предплечье виднелась восьмиконечная звезда. По прищуре глаз Эмили, по тому, как она наморщила нос, Ария догадалась, что подруга не любит татуировки.

– Я выдам вам секретную информацию, – сказал Вилден, понижая голос. – Мы получили результаты анализов тела,

которое рабочие нашли в котловане. Его ДНК полностью совпадают с ДНК Элисон, девочки. Она мертва. Так что послушайте моего совета, хорошо? Я действительно пекусь о ваших интересах.

С этими словами Вилден достал телефон и, оставившись в экран, вышел из палаты. Дверь со стуком захлопнулась. Пластиковые стаканчики на подносе вздрогнули. Ария повернулась к подругам. Губы Спенсер были плотно сжаты, на лице читалась досада. Ханна в волнении грызла ноготь большого пальца. Эмили, утратив дар речи, моргала своими круглыми зелеными глазами.

– И что теперь? – прошептала Ария.

Эмили хлопала глазами. Спенсер теребила трубочку капельницы. У Ханны вид был такой, будто она вот-вот грохнется в обморок. Все их тщательно продуманные версии растворились в дыму – в буквальном смысле слова. Может быть, Вилден и не устраивал поджог, – но ведь *кого-то* же Ария видела в лесу. И это, к сожалению, могло означать лишь одно.

Тот, кто чиркнул спичкой, все еще на свободе. Тот, кто пытался убить их, все еще где-то рядом и, вероятно, ждет своего часа, чтобы повторить попытку.

3

Если бы Спенсер прежде сталкивалась с мошенниками...

В воскресенье, когда тусклое зимнее солнце опускалось за горизонт, Спенсер стояла на заднем дворе родного дома, обозревая разрушения, оставленные пожаром. Рядом была мама, не похожая сама на себя: тушь размазана вокруг глаз, крем-пудра на лице – пятнами, прическа растрепанная, потому что обязательную укладку у парикмахера по имени Юрий нынче пришлось отменить. Отец Спенсер тоже был рядом, – в кои-то веки без наушника с *Bluetooth* в ухе. Губы его дрожали, словно он пытался сдержать всхлип.

Перед ними чернело пепелище. Высокие старые деревья по периметру двора почернели и покорежились, над голыми кронами висело вонючее серое марево. От мельницы остался один каркас, крылья ее обуглились, решетка растрескалась и раскрошилась. Газон был исполосован шинами пожарных автомобилей, примчавшихся тушить огонь. Оставшиеся островки травы усеяны окурками, пустыми стаканами из-под кофе... Обнаружился даже пустая банка из-под пива – в память о зеваках, которые собрались на место происшествия и торчали здесь еще долго после того, как Спенсер с подругами увезли в больницу.

Но особенно удручало то, что огонь сотворил с переделанным под жильё амбаром 1756 года постройки. Половина строения казалась почти нетронутой, а вот его выходящая к лесу сторона, некогда выкрашенная в вишнево-красный, была теперь зловещего угольно-серого цвета. Почти вся крыша обвалилась, витражные оконные стекла вылетели, входная дверь превратилась в груды пепла. Через пустой проем Спенсер видела гостиную, где на полу из древесины бразильской вишни блестела огромная лужа: пожарные, борясь с огнем, вылили на амбар галлоны воды. Кровать с пологом на четырех столбиках, кожаный диван и журнальный столик из красного дерева были безнадежно загублены. Равно как и стол, за которым накануне вечером Спенсер, Эмили и Ханна, голова к голове, переписывались с Йеном, выясняя, кто же все-таки убил Эли.

Только, похоже, Джейсон с Вилденом Эли *не убивали*. И это означало, что Спенсер снова ничегошеньки не знает.

Она отвернулась от амбара. Глаза слезились от дымных испарений. Ближе к дому находился пятачок газона, на который они с подругами рухнули, выбежав из горящего леса. Как и все остальное пространство, он был усыпан мусором и пеплом, а трава на нем вытоптана. В общем, ничего особенного; ничто не указывало на то, что там лежала Эли. С другой стороны, Эли там и *не лежала* – она им привиделась. Побочный эффект дымной интоксикации. А разложившееся тело Эли рабочие обнаружили на заднем дворе бывшего до-

ма ДиЛаурентисов несколько месяцев назад.

– Мне очень жаль, – прошептала Спенсер. Кусок красной кровли оторвался с крыши амбара и с глухим стуком упал на землю.

Миссис Хастингс медленно приблизилась к дочери и взяла ее за руку. Мистер Хастингс тронул Спенсер за плечо. Не успела она опомниться, как утонула в объятиях родителей. Те, дрожа от волнения, говорили разом.

– Не знаю, что бы мы делали, если б что-то случилось с тобой! – вскричала миссис Хастингс.

– Когда мы увидели пожар, а потом узнали, что ты могла пострадать... – Мистер Хастингс не смог договорить до конца.

– Это все неважно, – продолжала миссис Хастингс со слезами в голосе. – Пусть бы все сгорело. Главное, что ты по-прежнему с нами.

Спенсер льнула к родителям, чувствуя, как у нее перехватывает дыхание. Горло саднило.

Последние двадцать четыре часа родители разве что не облизывали ее. Они всю ночь просидели у ее постели в больнице, внимательно наблюдая, как вздымается и опускается ее грудь при каждом судорожном вздохе. Они следили, чтобы медсестры по первому требованию Спенсер поили дочь, давали ей болеутоляющие препараты и более теплые одеяла, если она начинала замерзать. Сегодня после обеда врачи наконец дали добро на выписку, родители повели Спенсер в

ее любимое кафе в Старом Холлисе и, как в детстве, купили два шарика мороженого с кленовым сиропом и шоколадной крошкой. Можно сказать, что отец и мать кардинально изменили свое отношение к младшей дочери: до этого она обычно чувствовала себя нежеланным ребенком, которому из милости позволяют жить в родительском доме. К слову сказать, когда Спенсер призналась, что эссе, прочитавшее ей первое место в конкурсе «Золотая орхидея», на самом деле списано у Мелиссы, ее образцовой сестрицы, родители практически перестали с ней общаться. И было это совсем недавно.

Ну, теперь-то у них появится *настоящая* причина ее ненавидеть. Как только Спенсер скажет им всю правду, вот эту их заботливость и столь редкое проявление любви как рукой снимет. Спенсер прижималась к отцу и матери, наслаждаясь последними мгновениями их доброго расположения. После ее откровений они скорее всего и знать ее не захотят. Этот разговор она откладывала и откладывала, но рано или поздно придется поставить их в известность.

Девушка отстранилась и расправила плечи.

– Вы должны кое-что знать, – заговорила она хрипловатым от дымного воздуха голосом.

– Про Элисон? – уточнила миссис Хастингс. – Спенс...

Она покачала головой, прерывая мать.

– Нет. Я о другом.

Спенсер глянула вверх, на почерневшие сучья. И ее про-

рвало. Захлебываясь словами, она рассказывала про завещание бабушки, Наны Хастингс, и то, что родители уже наверняка знают: она в нем не упомянута. Про предположение Мелиссы о том, что она, Спенсер, наверняка удочеренный ребенок. Про то, как зарегистрировалась на сайте приемных детей и родителей и через несколько дней получила сообщение о своей биологической матери. Про то, как навестила Оливию Колдуэлл в Нью-Йорке и что ей там понравилось. Про то, что решила переехать туда насовсем. Спенсер говорила и говорила, опасаясь, что расплечется, если остановится. На родителей она не смела взглянуть из страха увидеть досаду и огорчение в их лицах. Это разбило бы ей сердце.

– Она оставила мне визитку своего агента по недвижимости. Я позвонила ему и продиктовала свой номер счета в банке, на котором лежали накопления на учебу в университете, – для внесения залога и арендной платы за первый месяц, – с трудом выдавила из себя Спенсер, поджимая пальцы ног, обутых в серые замшевые сапоги гармошкой.

В покрытом копотью подлесе зашуршала белка. Отец испустил стон. Мать, зажмурившись, прижала ко лбу ладонь. У Спенсер упало сердце. *Ну вот, началось.* Дан ход операции «Ты нам больше не дочь».

– Что было дальше, догадаться не трудно. – Спенсер вздохнула, глядя на уцелевший скворечник у террасы. За то время, что они здесь стояли, к нему не подлетела ни одна птичка. – Риелтор, очевидно, работал в паре с Оливией. Они

обнулили счет и исчезли. – Она судорожно сглотнула.

На заднем дворе все стихло и застыло в неподвижности. Теперь, когда солнце почти полностью зашло, амбар стал похож на некий призрачный городской реликт, его темные окна зияли, как пустые глазницы в черепе. Спенсер украдкой посмотрела на родителей. Отец был бледен. Мать прикусила щеки изнутри – словно проглотила что-то кислое. Они нервно переглянулись, потом посмотрели на передний двор, проверяя, не стоят ли там фургоны представителей прессы. Репортеры целый день толклись возле дома, пытаясь выведать, действительно ли Спенсер видела Эли.

Отец набрал полные легкие воздуха.

– Спенсер, деньги – это ерунда.

Вздрогнув, она захлопала глазами.

– Мы их можем отследить, – объяснил мистер Хастингс, в отчаянии ломая руки. – Возможно, сумеем вернуть. – Он устремил взгляд на флюгер на крыше дома. – Но... мы должны были это предвидеть.

Спенсер нахмурилась, недоумевая: уж не рехнулась ли она, надышавшись дымом?

– Ч-что?

Отец переступил с ноги на ногу и посмотрел на жену.

– Давно нужно было ей сказать, Вероника, – пробормотал он.

– Кто ж знал, что так будет? – странно пискнула мать, всплеснув руками. На холоде было видно, как изо рта у нее

вырываются клубы пара.

– Что нужно было мне сказать? – спросила Спенсер. У нее гулко забилось сердце. Сделав глубокий вдох, она ощутила только запах гари.

– Пойдемте в дом, – пробормотала миссис Хастингс. – Здесь холодно.

– *Что* нужно было мне сказать? – повторила Спенсер, не двигаясь с места: она не сделает ни шагу, пока не узнает.

Мать долго молчала. Внутри амбара что-то поскрипывало. Наконец миссис Хастингс присела на один из огромных валунов, разбросанных по большому заднему двору.

– Детка, на свет тебя действительно произвела Оливия.

– Что? – Спенсер выпучила глаза.

– В некотором роде. Она тебя *выносила*, – поправил жену мистер Хастингс.

Спенсер отступила на шаг. Под ее сапогом хрустнула сухая ветка.

– Значит, меня и правда удочерили? Выходит, Оливия не лгала? – *Поэтому мне всегда казалось, что я на вас не похожа? Поэтому вы всегда отдавали предпочтение Мелиссе – потому что я вам не родная дочь?*

Миссис Хастингс крутила на пальце кольцо с бриллиантом в три карата. Где-то в глубине леса на землю с оглушительным треском упал обгоревший сук.

– Не думала я, что сегодня придется обсуждать такое. – Стараясь успокоиться, миссис Хастингс сделала глубокий

вдох, встряхнула руками и вскинула голову. Мистер Хастингс быстро потерял свои руки в перчатках. Внезапно они оба показались Спенсер ужасно растерянными. Не такими уравновешенными и уверенными в себе, какими она привыкла их видеть.

– Роды Мелиссы проходили с осложнениями. – Миссис Хастингс потеряла ладонями гладкую поверхность камня. Потом взгляд ее метнулся к подъездной аллее: там замедляла ход помятая «Хонда». Опять любопытные соседи... – Врачи сказали, что мне опасно рожать еще раз. Но мы хотели еще одного ребенка и в итоге решили прибегнуть к суррогатному материнству. По сути... мы использовали мою яйцеклетку и папину... ну, ты понимаешь. – Она опустила глаза, слишком чопорная и воспитанная, чтобы произнесли вслух слово «сперма». – Нужна была женщина, которая выносила бы ребенка – тебя – для нас. И мы нашли Оливию.

– Ее тщательно обследовали, убедились, что она здорова. – Мистер Хастингс сел на камень рядом с женой, будто и не заметив, что его элегантные туфли ручной работы *A. Testoni* утопают в глине, смешанной с сажей. – Мы сочли, что она нам подходит, да и сама она, казалось, жаждет помочь. Только на последних сроках беременности она стала предъявлять... новые требования. Хотела больше денег. Угрожала, что сбежит в Канаду и оставит тебя себе.

– И мы дали ей еще денег! – выпалила миссис Хастингс. Она обхватила свою белокурую голову руками. – И в итоге

она отдала тебя нам... конечно. Просто... после всех ее притязаний мы решили, что не надо тебе с ней контактировать. Сочли, что лучше сохранить это в тайне от тебя... потому что на самом деле ты – *наша* дочь.

– Но не все это понимали, – добавил мистер Хастингс, лохматя свои седоватые волосы. В кармане у него засигнализировал телефон, исполняя первые такты Пятой симфонии Бетховена, однако он и не подумал отвечать. – Нана, например. Она считала, что это неестественно и так и не простила нас. Когда выяснилось, что Нана завещала деньги только своим «родным внукам», нам следовало сразу открыть тебе правду. Оливия словно ждала своего часа.

Ветер стих, все вокруг замерло. Собаки Хастингсов, Руфус и Беатрис, царапались в заднюю дверь: им не терпелось выскочить во двор и посмотреть, чем заняты хозяева. Спенсер в изумлении смотрела на родителей. Те выглядели всклокоченными и изнуренными, словно признание их опустошило. Было ясно, что на эту тему они давно не говорили. Спенсер переводила взгляд с отца на мать, пытаясь осмыслить услышанное. Каждое слово само по себе было понятно, но в целом они не поддавались осмыслению.

– Значит, меня *выносила* Оливия, – медленно повторила она. По спине ее пробежал холодок, но ветер тут был ни при чем.

– Да, – подтвердила миссис Хастингс. – Но твоя семья – *мы*, Спенсер. Ты – *наша* дочь.

– Мы так сильно хотели, чтобы у нас появилась ты, и Оливия оказалась нашим единственным шансом, – добавил мистер Хастингс, глядя на тронутые багрянцем облака. – В последнее время мы, похоже, упустили из виду, сколь важны мы все друг для друга. И после всего того, что тебе пришлось пережить... Йен, Элисон, этот пожар... – Качая головой, он снова бросил взгляд на амбар, на загубленный лес. В вышине с карканьем кружила ворона. – Мы должны были тебя поддержать. Мы никогда не хотели, чтобы ты думала, будто тебя не любят.

Мать робко взяла Спенсер за руку.

– Давай... начнем все с чистого листа? Попробуем? Сможешь ты простить нас?

Снова налетел ветер, усиливая запах дыма. Несколько обугленных листочков скользнули по газону во дворе Эли и легли на землю возле котлована. Того самого, где было обнаружено ее тело. Спенсер теребила пластмассовый больничный браслет, все еще болтавшийся на запястье. Потрясение сменилось жалостью, жалость – гневом. За последние полгода родители лишили ее привилегии жить в амбарных апартаментах, снова отдав их в пользование Мелиссе. Они заблокировали ее кредитные карты, продали ее автомобиль и не раз заявляли, что она для них умерла. *Да, вы правы, черт возьми, хотелось крикнуть ей, я не чувствовала, что у меня есть семья. Не чувствовала вашей поддержки!* А теперь они хотят просто забыть все это и начать с чистого листа?

Мать жевала губу, вертя в руках поднятую с земли ветку. Отец, казалось, затаил дыхание. Решение оставалось за Спенсер. Она была вправе не прощать родителей, могла топнуть ногой и продолжать злиться... но потом она увидела боль и сожаление на их лицах. Они говорили совершенно искренне. Больше всего на свете им хотелось, чтобы она простила их. А разве сама она не хотела быть их любимой доченькой?

– Да, – промолвила Спенсер. – Я прощаю вас.

Протяжно выдохнув, мистер и миссис Хастингс обняли дочь. Отец поцеловал ее в макушку. От него пахло его любимым кремом после бритья *Kiehl's*.

У Спенсер возникло ощущение, что она выплывает из своего тела. Еще вчера, обнаружив, что все ее накопления на учебу в университете исчезли, она решила, что ее жизнь кончена. И ведь действительно казалось, что все это подстроил «Э»... в наказание за то, что Спенсер плохо ищет настоящего убийцу Эли. Но потеря денег, судя по всему, лучшее, что могло с ней произойти.

Родители отстранились от Спенсер, с гордостью глядя на младшую дочь. Спенсер неуверенно улыбнулась. Они ее любят. Она действительно им нужна. Снова задул ветер. Нос Спенсер защекотал еще один знакомый запах. Аромат... *ванильного мыла*, которым всегда пользовалась Эли. Спенсер вздрогнула, представив ужасную картину: Эли, вся в саже, задыхается от дыма.

Она зажмурилась, прогоняя этот образ. *Нет.* Эли умерла.
Все остальное – галлюцинации. И хватит об этом.

А бывают ли смирительные рубашки Prada?

Из кухни поднимается и плывет по верхнему этажу аромат свежесваренного кофе *Starbucks*. Ханна Марин последние мгновения нежится в постели. Еще пара минут – и все, пора в школу. Где-то в доме гремит телеканал *MTV2*. Миниатюрный доберман Кроха крепко спит в своей собачьей кровати *Burberry*. Сама Ханна только что наредила розовым лаком *Dior* ногти на ногах и теперь болтает по телефону с новым бойфрендом – Майком Монтгомери.

– Еще раз спасибо за *Aveda*. – Она снова посмотрела на новую косметику, разложенную на прикроватной тумбочке. Вчера, когда Ханну выписали, Майк преподнес ей в подарок весьма недешевый набор косметики для ухода за лицом и телом. В нем были и охлаждающая маска для век, и масло для тела на основе огурца и мяты, и ручной массажер. Ханна уже все их перепробовала, в поисках панацеи, которая стерла бы из памяти пожар, а заодно и причудливое видение в образе Эли. Врачи сказали, что Эли – галлюцинация, вызванная отравлением дымом, но та до сих пор стояла у Ханны перед глазами как живая.

Вообще-то Ханна очень огорчилась, что Эли оказалась

лишь игрой ее воображения. После ее гибели прошло уже столько лет, а Ханну все не покидало жгучее желание предстать перед Эли, чтобы та собственными глазами увидела, как сильно изменилась ее подруга. В их последнюю встречу Ханна все еще была уродливым и толстым гадким утенком, самой страшенькой в их компании, и Эли никогда не отказывала себе в удовольствии высмеять ее полноту, курчавые непослушные волосы и прыщавую кожу. Ей, должно быть, и в голову не могло прийти, что когда-нибудь Ханна превратится в грациозного лебедя, в стройную красавицу, которая пользуется огромной популярностью в школе. Порой Ханна думала, что она поверит в свое преобразование лишь тогда, когда Эли даст ей свое благословение. Разумеется, этому не суждено случиться.

– Пожалуйста, – ответил Майк, выводя Ханну из раздумий. – Кстати, предупреждаю... я отправил несколько пикантных твитов журналистам, торчавшим у отделения неотложки. Чтобы отвлечь их от пожара.

– Например? – спросила Ханна, мгновенно насторожившись. Судя по голосу Майка, тот замыслил что-то недоброе.

– Ханна Марин ведет переговоры с MTV по поводу реалити-шоу, – процитировал себя Майк. – Сделка на миллионы долларов.

– Впечатляет. – Вздыхнув с облегчением, Ханна замахала руками, чтобы ногти быстрее сохли.

– Я и про себя тоже написал. Майк Монтгомери отказал

в свидании хорватской супермодели.

– Ты отказался пойти на свидание? – кокетливо рассмеялась Ханна. – Совсем не похоже на Майка Монтгомери, которого я знаю.

– Кому нужны хорватские супермодели, если у тебя есть Ханна Марин? – резонно заметил Майк.

От ликующей радости грудь Ханны наполнилась воздухом. Если бы несколько недель назад кто-то сказал ей, что она будет встречаться с Майком Монтгомери, она от удивления проглотила бы свои полоски для отбеливания зубов. Внимания Майка она стала добиваться лишь потому, что на него запала Кейт, которая вскоре должна была стать ее сводной сестрой. А потом в какой-то момент Ханна поняла, что Майк ей действительно нравится. В этом голубоглазом парне с чувственными розовыми губами, которые так и хотелось поцеловать, и грубоватым чувством юмора, – она начала видеть нечто большее, чем просто младшего брата Арии Монтгомери... мальчика, который из кожи вон лез, чтобы завоевать популярность.

Ханна встала с постели, прошла к гардеробу и погладила принадлежавший Эли лоскут «Капсулы времени», который выкрала у Арии в больнице. Ханна не стыдилась своего поступка: эта частичка флага *не принадлежала* Арии.

– Я слышал, объявился новый «Э», который шлет вам сообщения, – сказал Майк неожиданно серьезным тоном.

– Я от «Э» ничего не получала, – честно призналась Хан-

на. С тех пор как у нее появился новый айфон и поменялся номер телефона, «Э» оставил ее в покое. – И надеюсь, что больше не получу. – Она поежилась, вспомнив ужас переписки с прежним «Э», которым оказалась ее лучшая подруга Мона Вондервол.

– Что ж, дай знать, если понадобится моя помощь, – сказал Майк. – Задницу кому надрать и все такое.

– Непременно. – Ханна зарделась от удовольствия. Прежде ни один парень не предлагал вступить за ее честь. Она чмокнула губами, посылая в телефон поцелуй, и нажала отбой, пообещав Майку, что встретится с ним за чашечкой кофе в школьном буфете «Заряд бодрости».

Потом она спустилась позавтракать, на ходу расчесывая свои длинные огненные волосы. На кухне пахло мятным чаем и свежими фруктами. Ее будущая мачеха Изабель и будущая сводная сестра Кейт уже сидели за столом, поглощая кусочки дыни с творогом. По мнению Ханны, более тошнотворного сочетания продуктов придумать нельзя.

Увидев в дверях Ханну, они обе вскочили на ноги и дуэтом пропели:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – буркнула Ханна, продолжая расчесывать волосы. Изабель, естественно, поморщилась: она была гермофобом² и терпеть не могла, когда кто-то причесывался ря-

---

² *Гермофобия* – страх заразиться болезнетворными организмами при контакте с другим человеком или предметами.

дом с пищевыми продуктами.

Ханна плюхнулась на пустой стул и потянулась за кофе. Изабель с Кейт снова сели. Воцарилась напряженная тишина, словно Ханна помешала их разговору. Наверно, про нее сплетничали. С них станется.

Отец Ханны встречался с Изабель на протяжении многих лет – даже Эли успела познакомиться с Изабель и Кейт за несколько месяцев до своего исчезновения, – но жить в Роузвуд они приехали только после того, как мать Ханны переехала работать в Сингапур, а отец нашел работу в Филадельфии. Плохо уже то, что на Изабель отец решил жениться – она медсестра, да еще и повернута на искусственном загаре, – не чета эффектной и успешной матери Ханны. Кроме того, в качестве приложения имелась сводная сестрица – высокая худая девчонка... И что вообще ни в какие ворота не лезло – ровесница. С тех пор как Кейт поселилась здесь две недели назад, Ханне ежедневно приходилось терпеть ее пение в дэше, где она орала всякую белиберду из телешоу «Американский идол», нюхать ее вонючий бальзам для волос. Кейт делала его собственноручно из сырых яиц и клялась, что *это* придает шевелюре блеск. Дополнительно бесили дифирамбы отца в адрес Кейт. Тот хвалил ее за малейшие пустяки, словно это *она* была его настоящей дочерью. А еще Кейт переманила на свою сторону новых подпевал Ханны – Наоми Зиглер и Райли Вулф – и сказала Майку, что Ханна на спор пригласила его на свидание. Ханна в свою очередь

всем объявила, что у Кейт герпес (на вечеринке, пару недель назад), так что, пожалуй, теперь они квиты.

– Хочешь дыню? – елейным голоском предложила Кейт, пододвигая к Ханне тарелку с дыней раздражающе худыми руками.

– Нет, спасибо, – отказалась Ханна таким же слащавым тоном. На вечеринке в «Рэдли» они вроде как объявили перемирие – Кейт даже улыбалась, видя сводную сестру вместе с Майком, – но Ханна не собиралась особо с ней любезничать.

Кейт вдруг охнула.

– Опа-а, – прошептала она, придвигая к своей тарелке утренний выпуск «Филадельфийского наблюдателя», открытого на странице с рубрикой «Мнения». Она попыталась сложить газету, пока Ханна не увидела заголовок, но было поздно. На развороте красовалась большая фотография, на которой Ханна, Спенсер, Эмили и Ария стояли перед горящим лесом. «Долго еще мы будем терпеть ложь? – вопрошал автор статьи. – Элисон ДиЛаурентис, по словам ее лучших подруг, восстала из мертвых».

– Мне так жаль, Ханна. – Кейт поставила на статью тарелку с творогом.

– Ерунда, – отмахнулась Ханна, стараясь скрыть смущение. И что за придурки эти журналисты? Можно подумать, в мире нет более важных событий. А ничего, что они дымом надышались?

Кейт взяла сочный кусочек дыни.

– Я хочу помочь, Хан. Если нужно, я могла бы защищать тебя перед прессой – выступала бы перед камерой и все такое. Ты только скажи.

– Спасибо, – с сарказмом в голосе поблагодарила Ханна. Ах-ах, какая забота. Потом, на той же полосе, она заметила выглядывавшее из-под тарелки фото Вилдена. «Полиция Роузвуда, – гласила подпись под снимком. – Они действительно делают все, что могут?»

Вот *эту* статейку не мешало бы прочесть. Может, Вилден и не убивал Эли, но в последнее время уж больно странно он себя ведет. Например, как-то утром, когда Ханна вышла на пробежку, он вызвался подбросить ее домой и гнал машину на скорости вдвое выше установленного ограничения, да еще решил попутать водителя встречного автомобиля, не желая уступать ему дорогу. А как настойчиво он требовал, чтобы они больше не говорили, будто Эли жива... ну и прочее в том же духе. Вилден действительно пытается защитить их или в их молчании есть для него какая-то выгода? И если Вилден невиновен, кто тогда устроил пожар... и зачем?

– Ханна. Ты уже встала? Это хорошо.

Ханна обернулась. В дверном проеме стоял отец – в сорочке, застегнутой на все пуговицы, и брюках в тонкую полоску. Волосы его были все еще влажными после душа.

– Удели мне минутку. Нам нужно с тобой поговорить, – попросил он, наливая себе кофе.

Ханна опустила газету. *Нам?*

Мистер Марин подошел к столу и выдвинул стул. Ножи резко чиркнули о напольную плитку.

– Несколько дней назад со мной связался по электронной почте доктор Аткинсон.

Он смотрел на Ханну так, словно она сразу должна была понять, о ком идет речь.

– А кто это? – наконец спросила она.

– Школьный психолог, – сказала Изабель, у которой на все имелся готовый ответ. – Очень приятный человек. Кейт познакомилась с ним, когда совершала экскурсию по школе. Он настаивает, чтобы ученики обращались к нему просто по имени – Дейв.

Ханна с трудом сдержалась, чтобы не фыркнуть. Что, «умница» Кейт успела подлизаться ко всему персоналу школы во время своей ознакомительной экскурсии?

– Доктор Аткинсон говорит, что наблюдает за тобой в школе, – продолжал отец. – И он очень обеспокоен, Ханна. Он считает, что смерть Элисон и наезд вызвали у тебя посттравматический стресс.

Ханна болтала в чашке остатки кофе.

– ПТСР вроде же у солдат бывает?

Мистер Марин крутил на пальце тонкое платиновое кольцо – подарок Изабель. Сейчас он носил его на правой руке, а когда они поженятся, наденет на левую. *Фу.*

– Ну, посттравматический стресс может возникнуть у лю-

бого, кто пережил что-то ужасное, – объяснил он. – Обычно людей бросает в холодный пот, у них учащается сердцебиение и все такое. Они также снова и снова воспроизводят в сознании психотравмирующее событие.

Ханна водила пальцем по зернистой поверхности кухонного стола. Ну да, ей знакомы эти симптомы. Чаще всего в памяти всплывало, как Мона сбивает ее на своем джипе. Но, послушайте, от такого у кого хочешь башку снесет.

– Я прекрасно себя чувствую, – тоненьким голосом возразила она.

– Сначала я не придавал значения его письму, – продолжал мистер Марин, – но вчера в больнице, перед тем как тебя выписали, решил спросить психиатра. Холодный пот и учащенное сердцебиение – не единственные симптомы ПТСР. Посттравматический стресс может проявляться по-разному. В том числе, например, в виде расстройства пищевого поведения.

– У меня нет проблем с питанием! – в ужасе воскликнула Ханна. – Я же всегда ем при вас!

Изабель прочистила горло, многозначительно глядя на Кейт. Та накручивала на палец прядь каштановых волос.

– Просто, Ханна... – Кейт обратила на Ханну взгляд своих огромных голубых глаз. – Ты же сама мне говорила.

У Ханны отвисла челюсть.

– Ты им *рассказала*? – Несколько недель назад – очевидно, в порыве минутного помешательства – Ханна призналась

Кейт, что иногда у нее случаются приступы переедания, после которых она специально вызывает у себя рвоту.

– Я подумала, что это для твоего же блага, – прошептала

Кейт. – Клянусь.

– Психиатр сказал, что ложь тоже может быть одним из симптомов, – продолжал мистер Марин. – Сначала вы с девочками говорите всем, что видели труп Йена Томаса, потом утверждаете, что видели Элисон. Я сразу вспомнил все другие случаи, когда ты лгала *нам*: прошлой осенью тайком сбежала с ужина и отправилась в школу на дискотеку; украла «перкоцет»³ в ожоговой клинике... потом побрякушку в салоне *Tiffany*... разбила автомобиль своего приятеля; и даже сказала всему классу, что у Кейт... – Он не закончил фразу, явно не желая произносить вслух «герпес». – Доктор Аткинсон предлагает, чтобы мы на несколько недель отправили тебя подальше от всего этого сумасшествия. В такое место, где ты сможешь отдохнуть и сосредоточиться на своих проблемах.

– На Гавайи? – просияла Ханна.

Отец прикусил губу.

– Нет... в специальную клинику.

– В... куда? – Ханна со стуком поставила на стол чашку.

Горячий кофе, расплескавшись, обжег ей указательный палец.

Мистер Марин полез в карман и вытащил буклет. На фо-

---

³ «Перкоцет» – сильное обезболивающее, наркотическое средство.

не заката по тропинке, поросшей травой, прогуливались две девушки, обе с безобразно покрашенными волосами и толстыми ногами. «Лечебница Эддисон-Стивенс» – гласила витиеватая надпись в нижней части буклета.

– Это лучшая клиника в стране, – сказал отец. – Там лечат самые разные заболевания: необучаемость, расстройства питания, ОКР⁴, депрессию. И это недалеко отсюда, сразу же за границей штата, в Делавэре. Там целое отделение отведено под юных пациентов вроде тебя.

Ханна тупо смотрела на венок из сухих цветов, который повесила Изабель, когда стала хозяйкой дома. При маме на этом месте висели настенные металлические часы, которые, на взгляд Ханны, смотрелись куда лучше.

– У меня нет никаких проблем, – пискнула она. – Мне нечего делать в психушке.

– Это не психушка, – возразила Изабель. – Скорее... спакурорт. Эту клинику называют «Каньон-Рэнч Спа»⁵.

Ханне захотелось свернуть Изабель ее неестественно оранжевую тощую шею. Можно подумать, она никогда не слышала об *эвфемизмах*. Некоторые и спальный район Берлиц – трущобы на окраине Роузвуда – величают Берлиц-Карлтоном, но никто ж не считает его *элитарным рай-*

---

⁴ ОКР – обсессивно-компульсивное расстройство (невроз навязчивых состояний).

⁵ *Canyon Ranch of Delaware* – сеть курортов в США (Тусон, Аризона, Ленокс, Массачусетс), специализируется на проблемах веса, нервных расстройствах.

ОНОМ.

– Может, сейчас и впрямь самое время смыться из Роузвуда, – вставила Кейт столь же рассудительным тоном, мол, «я знаю, что лучше». – Особенно от репортеров.

Отец Ханны кивнул.

– Вчера мне пришлось выгнать с нашего двора одного парня. Он пытался с помощью телескопического объектива заснять тебя в твоей комнате, Ханна.

– И еще вчера вечером кто-то позвонил сюда и спросил, не согласишься ли ты сделать заявление для «Нэнси Грейс», – добавила Изабель.

– В общем, с каждым днем все хуже и хуже, – заключил мистер Марин.

– Ты не волнуйся, – сказала Кейт, откусывая дыню. – Мы с Наоми и Райли будем ждать твоего возвращения.

– Но... – протестуяще произнесла Ханна. Как может ее отец верить в эту чушь? Ну да, солгала она несколько раз, было дело. Так ведь не без причины. С ужина в ресторане *Le Ves Fin* она сбежала, потому что «Э» предупредил, что Шон Эккард, с которым Ханна недавно рассталась, явился на благотворительный вечер «Фокси» с другой девчонкой. О том, что у Кейт герпес, она сказала лишь потому, что Кейт как пить дать намеревалась всем разболтать про ее приступы переедания и... сами понимаете что. Но какого черта?! Это ж не значит, что у нее развился посттравматический стресс.

Как же они с отцом отдалились друг от друга! До разво-

да родителей Ханна с отцом жили душа в душу. Однако с появлением Изабель и Кейт она вдруг стала для него ненужной, как вещь, вышедшая из употребления. За что он ее так ненавидит?

А потом у нее упало сердце. Ну *конечно*. «Э» наконец-то добрался до нее. Она поднялась из-за стола, отпихнув керамический чайничек с мятным чаем, который стоял около ее тарелки.

– То письмо не от доктора Аткинсона. Его написал другой человек, который хочет мне навредить.

Изабель сложила на столе руки.

– И кто бы это мог быть?

Ханна проглотила ком в горле.

– «Э».

Кейт прикрыла ладонью рот. Отец Ханны поставил на стол чашку.

– Ханна, – произнес он медленно, будто обращался к ребенку. – «Э» была Мона. А она умерла, помнишь?

– Нет, – возразила Ханна. – Появился новый «Э».

Кейт, Изабель и папа Ханны обменялись нервными взглядами, словно Ханна была непредсказуемым животным, которому следует всадить в зад транквилизатор.

– Милая... – молвил мистер Марин. – Твои слова лишены смысла.

– «Э» именно этого и добивается! – вскричала Ханна. – Почему вы мне не верите?

Внезапно у нее закружилась голова. Ноги онемели, в ушах тихонько зазвенело. Стены начали сдвигаться, от запаха мятного чая к горлу подступила тошнота. А в следующую секунду она уже стояла на темной парковке роузвудской школы, и на нее мчался внедорожник Моны, сверкая фарами, как словно самонаводящимися огнями маяков. Ее ладони увлажнились, горло горело. Она увидела лицо Моны за рулем. Та раздвигала губы в дьявольской улыбке. Ханна закрыла лицо, готовясь принять удар. Услышала чей-то вопль. Через несколько секунд осознала, что это кричит она сама.

Все кончилось так же быстро, как и началось. Открыв глаза, Ханна увидела, что лежит на полу, прижимая руки к груди. На пылающем лице проступила испарина. Кейт, Изабель и отец Ханны, склонившись над ней, озабоченно хмурились. Миниатюрный доберман Ханны, Кроха, неистово лизал ее голые лодыжки.

Отец помог дочери встать с пола и сесть на стул.

– Я действительно считаю, что так будет лучше, – ласково произнес он. Ханна хотела возразить, но поняла, что спорить бесполезно.

Ошарашенная, дрожащая, она положила голову на стол. Все шумы вокруг она слышала более остро и отчетливо. Тихо гудел холодильник. Где-то на улице громыхал мусоровоз. И вдруг она услышала еще кое-что.

Волосы ее от ужаса зашевелились. Может, она и впрямь сошла с ума, но Ханна могла бы поклясться, что слышит...

смех. Кто-то радостно фыркнул, довольный тем, что все идет точно по плану.

Духовное пробуждение

В воскресенье утром Байрон вызвался подвезти дочь до школы на своей старенькой «Хонде Сивик», поскольку «Субару» Арии все еще находилась в ремонте. Она переложила с переднего сиденья на заднее кучу слайдов, потрепанных учебников и тетрадей. Под ногами валялись пустые стаканчики из-под кофе, обертки от соевых батончиков *SoyJoy* и ворох чеков из детского магазина экологически чистых продуктов и товаров *Sunshine*, где обычно делали покупки Байрон и его подружка Мередит.

Байрон включил зажигание, и старый дизельный мотор затарахтел. Из динамиков зазвучал эйсид-джаз, который отец так любил. Ария смотрела на почерневшие искривленные деревья на заднем дворе своего дома. Лес местами еще тлел, над ним поднимались маленькие завитки дыма. Вдоль опушки стволы были щедро обмотаны желтой лентой с надписью «ПРОХОДА НЕТ»: после пожара сучья постоянно обламывались, падали, и заходить туда было опасно. Утром в программе новостей передавали, что лес был прочесан полицейскими, пытавшимися найти следы поджигателей. А вчера вечером Арии позвонили из отделения роузвудской полиции и стали расспрашивать про человека с бидоном горючего, ко-

того она видела в лесу. Поскольку выяснилось, что тем человеком был *не* Вилден, Ария мало чем могла им помочь. Под огромным капюшоном мог скрываться кто угодно.

Они покатали мимо большого дома в колониальном стиле, принадлежавшего семье Йена Томаса, и Ария затаила дыхание. Трава на газоне подернулась инеем; красный флажок на почтовом ящике был поднят⁶; на подъездной аллее валялись два рекламных проспекта с купонами. На гаражных воротах красовалось свежее граффити: «УБИЙЦА». Надпись была сделана той же краской, которой кто-то вывел «ЛГУ-НЬЯ» на воротах гаража Спенсер. Инстинктивно Ария сунула руку в свою сумочку из шкуры яка и нащупала во внутреннем кармашке кольцо Йена. Вчера она все порывалась отдать его Вилдену – не хотела нести ответственность за кольцо, – но в доводах Спенсер был свой резон. Роузвудская полиция не заметила кольца, когда прочесывала лес; они могут подумать, что это Ария его туда подложила. Но *почему* они не нашли кольцо сами? Может, они и не прочесывали лес вовсе?

Куда тогда подевался Йен? Почему он дал им ложную информацию, когда они общались в чате? И почему не заметил пропажу своего кольца? Ария сомневалась, что кольцо просто соскользнуло с его пальца. У нее такое бывало лишь в тех случаях, когда она отмывала кисти от краски, – и даже тогда всегда чувствуешь, если кольцо соскакивает. Или, к приме-

---

⁶ Поднятый флажок на почтовом ящике означает, что почтальон должен забрать из него письмо.

ру, Йен мертв, а кольцо соскользнуло с пальца, когда кто-то волок тело уже после того, как Ария с подругами побежали за Вилденом? Но если это так, кто же тогда общался с ними в чате?

Она громко вздохнула, и Байрон искоса глянул на дочь. Сегодня он был особенно взъерошен, его темные редяющие волосы стояли торчком. Несмотря на холод, куртку он не надел; на локте его толстого шерстяного свитера зияла большая дыра. Ария узнала этот свитер: отец купил его, когда они всей семьей жили в Исландии. Лучше бы они никогда не покидали Рейкьявик.

– Как ты? – ласково спросил Байрон.

Ария пожала плечами. Заворачивая за угол, они проехали мимо остановки, на которой группа учащихся из обычной школы ждала автобус. Поскольку Арию показывали в программе новостей, ее мгновенно узнали и принялись показывать на нее пальцами. Ария поспешила натянуть на голову капюшон с оторочкой из искусственного меха. Потом они поехали по улице, где жила Спенсер. У обочины стояла машина для уборки больших деревьев и обрезков сучьев, за ней – полицейский автомобиль. По другой стороне улицы к «Лексусу» направлялась Дженна Кавано вместе со своим поводырем – немецкой овчаркой. Обходя обледенелые участки тротуара, двигалась она грациозно... Ария поежилась. Дженна об Эли знала больше, чем рассказывала. Ария даже подозревала, что Дженна скрывает какую-то важную

тайну – в тот день, когда чувствовали беременность Мередит, Дженна стояла посреди двора Арии с таким видом, будто хотела ей что-то рассказать. Но когда Ария спросила у нее, в чем дело, та повернулась и ушла. По-видимому, она хорошо знала и Джейсона ДиЛаурентиса. Но почему на прошлой неделе Джейсон ломился к ней домой и скандалил? И зачем «Э» сообщил об этом им с девчонками – если на самом деле Джейсон не имел к смерти Эли никакого отношения?

– Вилден сказал, что вы, девочки, пытаетесь вычислить настоящего убийцу Эли. – Резкий голос отца прозвучал так громко и неожиданно, что Ария аж подпрыгнула на сиденье. – Но, солнышко, если ее убил не Йен, полиция найдет преступника. – Байрон почесал затылок, как обычно это делал в состоянии стресса. – Я волнуюсь за тебя. И Элла тоже.

При упоминании матери Ария поморщилась. Минувшей осенью родители Арии расстались: нашли себе новых спутников жизни. И с тех пор как Элла стала встречаться с Ксавьером, распутным художником, пристававшим к Арии, она избегала общества матери. Отец, конечно, прав, но Ария уже слишком глубоко увязла в расследовании – не выпутаться.

– Давай поговорим об этом, – предложил Байрон, не дождавись ответа. – Вдруг поможет. – Он выключил проигрыватель с джазовым диском. – Расскажи мне про... ну, ты знаешь. Про свою встречу с Элисон.

Они проехали мимо фермы, за изгородью которой разгуливали шесть толстых белых альпак, затем мелькнули вит-

рины «Вава»⁷. Не надо твердить всем и каждому, что вы видели Элисон, раздался у Арии в голове голос Вилдена. Что-то было не так в его предостережении. Уж больно... *напористо* он это произнес.

– Я не знаю, что мы видели, – тихо призналась Ария, – Мне хочется верить, что мы просто надышались дымом, и всё. Но ведь мы все одновременно видели Эли, и при этом она делала одно и то же. Разве так бывает? Странно, тебе не кажется?

Байрон включил сигнал поворота и свернул направо.

– Действительно, странно. – Байрон отпил кофе из термоса с символикой колледжа Холлис. – Помнишь, не так давно ты спрашивала, могут ли призраки присылать сообщения?

Тот разговор Ария помнила смутно, хотя она действительно поговорила с Байроном после того, как получила первую эсэмэску от прежнего «Э». Пока тело Эли не было обнаружено на заднем дворе ее собственного дома, Ария думала, что, может быть, дух Эли шлет сообщения из могилы.

– Некоторые считают, что мертвые не могут успокоиться, пока не передадут какую-то важную информацию. – На светофоре зажегся красный, и Байрон затормозил за «Тойотой Приус», на бампере которой красовался стикер «Представь себе мирный мир».

---

⁷ «Вава» (*Wawa*) – сеть небольших супермаркетов с автозаправками, расположена вдоль восточного побережья США (функционирует в шести штатах). Создана в 1964 г.

– Что ты имеешь в виду? – Ария выпрямилась в кресле.

Они миновали «Часовую башню» – элитный жилой комплекс стоимостью миллион долларов, со своим собственным гольф-клубом, затем – маленький парк, где несколько храбрцов в теплых куртках выгуливали собак. Байрон выдохнул через нос.

– Я просто хочу сказать... гибель Элисон для всех загадка. Убийцу арестовали, но никто точно не знает, что на самом деле произошло. А вы, девочки, *находились* прямо на том месте, где Элисон умерла. Ее тело пролежало там несколько лет.

Ария взяла термос отца и тоже сделала глоток кофе.

– То есть ты думаешь... что это мог быть призрак Эли?

Байрон пожал плечами, поворачивая направо. Они подъехали к школе и пристроились в хвост вереницы автобусов.

– Возможно.

– И ты думаешь, она хочет нам что-то сказать? – изумленно спросила Ария. – То есть ты тоже не веришь, что ее убил Йен?

Байрон энергично мотнул головой:

– Я этого не говорил. Я имел в виду, что иногда некоторым вещам нельзя найти разумного объяснения.

Призрак. Вещает, как чокнутая Мередит. Но, глянув на профиль отца, Ария заметила, что губы его плотно сжаты. Он хмурился и снова чесал затылок. Байрон говорил вполне серьезно.

Она повернулась к нему. Ведь если все так, то возникает масса вопросов... Почему их преследует дух Эли? Какие дела она не успела закончить на этом свете? И что теперь делать ей, Арии?

Ни один из них девушка задать не успела. Раздался громкий стук в стекло со стороны пассажирского кресла. Ария и не заметила, что они остановились на обочине перед школой. А к машине уже подскочили трое репортеров. Они щелкали фотоаппаратами, прижимались лицами к окнам.

– Мисс Монтгомери? – прорвался снаружи громкий женский голос.

Ария вытаращилась на журналистов, а потом в отчаянии посмотрела на отца.

– Не обращай на них внимания, – посоветовал он. – Беги.

Сделав глубокий вдох, Ария открыла дверцу и с силой ввинтилась в толпу. Сверкали вспышки фотокамер. Журналисты галдели на разные голоса. За ними Ария разглядела однокашников. Они стояли разинув рты и с любопытством наблюдали за суматохой.

– Вы действительно видели Элисон?! – кричали репортеры. – Вам известно, кто устроил поджог? Как по-вашему: лес подожгли, чтобы скрыть важные улики?

Услышав последний вопрос, Ария резко повернулась, но рта не открывала.

– Это *вы* устроили пожар? – спросил темноволосый мужчина лет тридцати. Журналисты брали ее в тесное кольцо.

– Конечно, нет! – крикнула Ария испуганно. Потом локтями растолкала репортеров и помчалась по дорожке, влетев в первую попавшуюся дверь, которая, как оказалось, вела за кулисы школьного театра.

Дверь за ней со стуком захлопнулась. Ария перевела дух и огляделась. Большой зрительный зал с высоким потолком был пуст. В углу лежали декорации к спектаклю-мюзиклу «Юг Тихого океана»⁸, который недавно ставили в школе. На полу в беспорядке были разбросаны нотные листы. Перед ней простирались ряды красных бархатных кресел, все с поднятыми сиденьями. Было слишком тихо. До жути тихо.

Скрипнула половица, и Ария замерла. За занавесом мелькнула тень. Ария резко обернулась. Ужасная мысль пришла ей в голову. *Это тот, кто устроил пожар. Тот, кто пытался нас убить. Этот человек здесь.* Но когда она подошла ближе – за тканью никого не оказалось.

Или все-таки – чем черт не шутит? – это дух Эли прячется где-то рядом, полный отчаяния? И Байрон прав – мертвые действительно не могут упокоиться, пока не донесут до живых нечто, что им необходимо знать? Тогда, выходит, Ария должна придумать, как пообщаться с духом Эли? Может быть, пришла пора выяснить, что она хочет сказать.

---

⁸ «Юг Тихого океана» (*South Pacific*) – мюзикл, созданный Ричардом Роджерсом и Оскаром Хаммерстайном (премьера состоялась в 1949 г.) по мотивам романа Джеймса Микенера (1907–1997) «Сказания Юга Тихого океана» (*Tales of South Pacific*, 1947 г.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.